

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

ВОРОНЕЖСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

— ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. —

1 МАЯ.

№ 18

1911 ГОДА.

Духовенство и Семинарія въ изображеніи И. С. Никитина ¹⁾.

Содержаніе: I. Духовенство въ беллетристикѣ. «Дневникъ семинариста» И. С. Никитина и «Миражи» Г. И. Недѣтовскаго. Отношеніе Никитина къ семинаріи, гимназіи и духовенству. II. Духовенство въ изображеніи И. С. Никитина. III. Воронежская Семинарія въ Никитинское время.

I.

Большой знатокъ Воронежской народной жизни, — мѣщанской и крестьянской ²⁾, — И. С. Никитинъ посвятилъ изображенію жизни мѣстнаго духовенства и современныхъ ему семинарскихъ „профессоровъ“ и учащейся молодежи одно

¹⁾ И. С. Никитинъ оставилъ намъ богатое литературное наслѣдіе. Разобраться въ этомъ наслѣдіи во всѣхъ подробностяхъ наиболѣе благовременно теперь, когда исполняется 50 лѣтъ со дня смерти нашего поэта. Это будетъ лучшимъ выраженіемъ нашей признательности И. С. Никитину, съ которымъ насъ такъ многое связываетъ.

²⁾ См. мою статью въ «Памятной Книжкѣ Воронежской губ. на 1911 годъ»: «Народная жизнь въ изображеніи И. С. Никитина».

изъ лучшихъ своихъ произведеній— „Дневникъ семинариста“; того же предмета касается онъ отчасти и въ поэмѣ „Кулакъ“.

Жизнь русскаго духовенства давно интересовала нашихъ писателей, изъ которыхъ нѣкоторые, напр., Елеонскій, являются ея спеціальными изобразителями.

Въ беллетристикѣ мѣсто духовенству отводили: Помяловскій, Лѣсковъ, Потапенко, Альбовъ, Елеонскій, Гусевъ-Оренбургскій, Г. С. Петровъ, Измайловъ (Смоленскій), Чеховъ, Андреевъ, Г. И. Недѣтовскій (Забытый).

Вотъ наиболѣе крупныя имена.

Эти писатели останавливали свое вниманіе на разныхъ сторонахъ жизни духовенства, рисовали ее въ различныхъ краскахъ и трактовали о ней съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Если одни изъ нихъ, какъ, напр., Л. Андреевъ, берутъ типы изъ духовной среды, кажется, только для того, чтобы поставить своихъ героевъ въ извѣстное, нужное для писателя, положеніе, — разсматриваютъ ихъ исключительно съ психологической точки зрѣнія и не касаются внѣшней, бытовой стороны жизни духовенства, — то другіе, — какъ Елеонскій, съ фотографической точностью рисуютъ эту последнюю.

Если Потапенко слишкомъ идеализируетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ героевъ („на дѣйствительной службѣ“), а Гусевъ-Оренбургскій относится къ духовенству часто отрицательно, то такіе писатели, какъ Чеховъ, Лѣсковъ и Измайловъ рисуютъ духовенство и со спокойнымъ безпристрастіемъ и съ тѣмъ теплымъ сочувствіемъ, отъ которыхъ и у читателя становится тепло на душѣ, какъ ни плоха бываетъ дѣйствительность, которую они изображаютъ.

Какое же мѣсто занимаетъ И. С. Никитинъ среди ин-

тересующихъ насъ писателей и какъ относится онъ къ той средѣ, которую живописуетъ?

Нашъ поэтъ описываетъ преимущественно современную ему Воронежскую семинарію и только попутно касается жизни духовенства вообще.

Изъ названныхъ выше писателей духовную школу изображали—современникъ Никитина-Помяловскій („Очерки бурсы“), Г. И. Недѣтовскій („Миражи“), Потапенко („Бурсацкія воспоминанія“), Измайловъ („Въ бурсѣ“) и Г. С. Петровъ („Затѣйникъ“).

По реальной правдивости изображенія семинарской жизни ¹⁾ И. С. Никитинъ приближается къ Помяловскому, съ той существенной, однако, разницей, что у автора „Очерковъ бурсы“ размахъ кисти нестравненно шире, мазокъ грубѣе, между тѣмъ какъ Никитинъ пишетъ въ болѣе мягкихъ полутонахъ, при чемъ каждая страница „Дневника семинариста“ обвѣяна теплымъ чувствомъ участія къ людямъ и тѣмъ грустнымъ лиризмомъ, которыми проникнуты сочиненія Измайлова.

Хронологическая преемственность [въ описаніи Воронежской семинаріи ставитъ „Дневникъ семинариста“ Никитина въ близкую, непосредственную связь съ романомъ Недѣтовскаго-Забытаго—„Миражи“, хотя по содержанію своему эти произведенія значительно разнятся: выводя на сцену современныхъ ему семинарскихъ педагоговъ, Никитинъ описываетъ главнымъ образомъ жизнь семинаристовъ, тогда какъ Недѣтовскій имѣетъ въ виду только преподавательскую среду: первый изъ нихъ въ Воронежской семинаріи учился, а второй училъ—каждый рисуетъ то, что ему болѣе знакомо.

Кстати сказать, — нашей Воронежской семинаріи посчастливилось въ литературѣ: два такихъ талантливыхъ про-

¹⁾ Известно, что многія страницы «Дневника семинариста» списаны Никитинымъ съ вѣтурсь.

наведенія въ беллетристикѣ, какъ „Дневникъ семинариста“ И. С. Никитина и чрезвычайно популярный въ свое время романъ Недѣтовскаго „Миражи“, не утратившій значенія по затронутымъ въ немъ вопросамъ и въ наши дни, — и рядъ историческихъ очерковъ и воспоминаній (П. В. Никольскаго, д-ра П. В. Цезаревскаго и др.).

Нерѣдко приходится сталкиваться съ мнѣніемъ, что И. С. Никитинъ отрицательно и чуть ли не презрительно относился если не къ духовенству вообще, то въ частности къ семинаріи и семинаристамъ.

Конечно, тамъ, гдѣ дѣло касалось темныхъ сторонъ тогдашней жизни духовенства и семинаріи, тамъ у И. С. и не могло быть другого отношенія, но за это намъ остается только благодарить нашего поэта, какъ мы благодарны ему за поэтическія описанія народнаго горя и нужды.

Никитинъ отрицательно относится, напр., къ процвѣтавшей въ его время семинарской зубрежкѣ.

— „Ну, нѣтъ, душа моя! Зубрить я не стану“ — говоритъ у него Яблочкинъ: — „и если бы въ самомъ дѣлѣ пришлось мнѣ во время отвѣта взглянуть на потолокъ или въ сторону — преступленіе было бы не важное. Экая бурса! Попала на одну ступень и окаменѣла: ни молодежь, ни старѣется“ ...

Но, отрицая многое въ жизни семинаріи, Никитинъ не закрываетъ глазъ и на темныя стороны тогдашней гимназіи.

— „Развитіемъ своимъ онъ обязанъ, конечно, не гимназіи, *отъ которой пахнетъ мертвечиной*, а самому себѣ“ — отзывается тотъ же Яблочкинъ о сынѣ его квартирной хозяйки — гимназистѣ.

Какъ высоко смотритъ Никитинъ на достоинство и призваніе пастыря, — видно изъ слѣдующихъ словъ Бѣлозорскаго, отъ имени котораго ведется дневникъ:

„Санъ священника, — великое дѣло... Вотъ думалъ я: наконецъ, послѣ долгаго труда, я удостоиваюсь сана священнослужителя. Падаеть ли какой-нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю его силы словомъ Евангелъской истины. Унываетъ ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный, — я указываю, ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца, Который, прибитый гвоздями на крестъ, прощалъ своимъ врагамъ... Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей обоого пола, учу ихъ грамотѣ, читаю и объясняю имъ Святое Евангеліе. Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми матерями.. И я, покрытый сѣдинами, съ чистою совѣстью ложусь на кладбищѣ, куда, какъ духовный отецъ, проводилъ уже не одного человѣка, напутствуя каждаго изъ нихъ живымъ словомъ утѣшенія“.

Старый профессоръ словесности говоритъ о семинаріи: „Развѣ не изъ семинаріи выходятъ люди съ крѣпкою грудью, объ которую разбиваются всѣ житейскія невзгоды? развѣ не семинарія вырабатываетъ эти желѣзныя натуры, которыя терпѣливо выносятъ всякій долготѣнній, усидчивый трудъ? Развѣ не въ семинаріи слагаются характеры, которые впоследствии дѣлаются предметомъ удивленія на всѣхъ подрищахъ общественной и государственной жизни“?

Говорить послѣ этого объ отрицательномъ отношеніи нашего поэта къ семинаріи и духовенству, — значитъ клеветать на Никитина.

II.

Не красна была народная жизнь дореформеннаго времени, пѣвцомъ горестей которой является И. С. Никитинъ, — не завидна была и доля современнаго ему духовенства.

Счастливы, прошедшіе тяжелый школьный курсъ того

времени, дѣлались сельскими священниками и попадали здѣсь опять въ тяжелую обстановку.

Крестьяне, духовными пастырями которыхъ являлись священники, были темны и бѣдны. Эта бѣдность отражалась и на жизни духовенства, заставляя даже священника принимать непосредственное участіе въ черныхъ крестьянскихъ работахъ: въ посѣвѣ и уборкѣ хлѣба и т. д.

„Вопросъ: гдѣ взять вилокъ? окончательно ее (матушку) добиваетъ. *У насъ вилокъ одна только пара*, а гостей будетъ много“, — вотъ лучшая иллюстрація бѣдности сельскаго священника и той жизненной обстановки, которая подчасъ не отличаетъ его отъ крестьянина.

Разсказавъ о договорѣ крестьянина Юмы съ о. Иваномъ относительно платы за свадьбу, Никитинъ дѣлаетъ къ этой правдивой сценѣ такое заключеніе:

— „Зачѣмъ вы взяли это вино“? спросилъ я у батюшки.

— Затѣмъ, чтобы не обидѣть старика. Таковъ обычай.

— „Ну, а зачѣмъ вы его потчивали“?

— Опять таковъ обычай. Вотъ погоди, когда будешь попомъ, да придется тебѣ самому плести плетни, чинить соху, чистить хлѣвъ, да ходить со двора на дворъ съ просьбою, нельзя ли, молъ, вотъ въ томъ мнѣ помочь да въ этомъ пособить, тогда ко всему привыкнешь. — И батюшка грустно сѣлъ за столъ, какъ будто вопросы мои пробудили въ немъ тяжелыя мысли“.

Духовенству приходится подлаживаться и къ понятіямъ прихожанъ и къ своимъ сослуживцамъ и своему начальству.

Какъ приниженно ведетъ себя простодушный о. Иванъ по отношенію къ благочинному! Подкладываетъ ему лучшіе куски, все время стоитъ въ его присутствіи, по двору ходитъ съ нимъ съ открытой головой, кормитъ лошадь благо-

чиннаго „до послѣдней возможности“, а кучера напиваетъ такъ, что тотъ „едва ворочаетъ языкомъ“. „Что прикажете дѣлать?“ — замѣчаетъ Никитинъ: „Благочинный, говорятъ, самолюбивъ и не задумывается чернить того, кто ему не нравится“.

Идетъ по городу о. Иванъ и робко осматривается — какъ бы кого не толкнуть и „торопливо даетъ дорогу всякому порядочно одѣтому человѣку. Мнѣ кажется, что онъ немножко какъ бы одичалъ, живя безвыѣздно въ своей деревнѣ“.

Въ „Дневникѣ семинариста“ и въ поэмѣ „Кулакъ“ Никитинъ рисуеъ картину пріема профессорами семинаріи духовныхъ лицъ. Съ одной стороны — важность и величіе, съ другой — робость, униженныя просьбы о сыновьяхъ и добротныя приношенія.

Если такъ бѣдны, забиты и темны священники, то понятно, что должны представлять собою низшіе члены клира — діаконъ и дьячки!

Никитинъ выводитъ на сцену одного такого дьячка — Кондратьича, совсѣмъ еще молодого человѣка, любившаго выпить. „А когда онъ выпьетъ, ему никто нипочемъ: и прихожанинъ — мужикъ, и дьяконъ, и даже мой батюшка“... Въ этомъ видѣ онъ издѣвается надъ своего забитою, робкой женою, которую зоветъ „слѣпою Евлампіей“. „Въ минуты гнѣва и ужъ, конечно, порядочно выпивши, Кондратьичъ опрокидываетъ кадущку тамъ, гдѣ ее находитъ, т. е., на дворъ или въ избѣ, и обыкновенно кричитъ женѣ: „слѣпая Евлампія, гряди сѣмо“! Бѣдная женщина, не смѣя ему прекословить, подползаетъ подъ, такъ называемую, подвижную храмину, а дьячекъ ходитъ вокругъ и распѣваетъ: „Взбранной воеводѣ побѣдительная“...

III.

Описывая семинарскую жизнь, Никитинъ вспоминаетъ по разнымъ поводамъ о духовномъ училищѣ.

Такъ, говоря о холодѣ въ семинарскомъ классѣ, онъ даетъ живописную картинку того, какъ ученики „грѣлись“ въ нетопленномъ помѣщеніи духовнаго училища и нѣсколько разъ вспоминаетъ о розгахъ, которыя въ то время были въ духовномъ училищѣ въ большомъ ходу.

Разсказавъ о страшномъ учителѣ 2 класса, Алексѣѣ Степановичѣ, и о томъ, какъ онъ посылалъ учениковъ къ порогу, Никитинъ переходитъ къ семинаріи: „Ну, въ семинаріи у насъ совсѣмъ не то: розги почти совсѣмъ устранины, а если употребляются въ дѣло, такъ это ужъ за что-нибудь особенное. Наставники обращаются на *вы*, къ чему я долго не могъ привыкнуть“...

Никитинъ даетъ характеристику семинарскихъ „профессоровъ“, психологіи, словесности, исторіи, математики, ректора, инспектора, эконома и даже „лектора“ — ученика богословія, преподававшего французскій языкъ, — знакомитъ насъ съ ними въ классѣ и въ частной жизни.

Наиболѣе полно обрисованъ типъ профессора психологіи — Федора Федоровича, на квартиру къ которому о. Иванъ поселилъ своего сына.

Въ классѣ это — олимпіецъ, исполненный сознанія своего величія; такимъ же онъ былъ и съ просителями — отцами его учениковъ.

Въ частной жизни Федоръ Федоровичъ — лѣнивый человекъ, вѣчно облаченный въ грязный халатъ, ничего не читавшій, любившій поспать, поѣсть и поважничать. Обычно онъ проводитъ время въ томъ, что играетъ съ котомъ, забавляется съ служкой-мальченкомъ, ходитъ по комнатамъ, играя кистями халата и нащѣвая любимый романсъ.

Съ начальствомъ онъ подобострастенъ, съ товарищами—предупредителенъ, съ просителями важенъ, съ учениками строгъ. Каждому—по его чину и положенію.

Бѣлозерскаго онъ третируетъ почти какъ прислугу: посылаетъ за табакомъ, заставляетъ чистить сапоги, въ разговорахъ его не стѣсняется.

Съ какимъ трепетомъ входилъ Бѣлозерскій въ квартиру Ѳедора Ѳедоровича, но пожилъ съ нимъ и скоро разочаровался: „О, мой мудрый наставникъ! Еслибъ ты зналъ, какъ ты упалъ теперь въ моихъ глазахъ!“—воскликаетъ Бѣлозерскій послѣ разговора Ѳедора Ѳедоровича съ Иваномъ Ермолаичемъ.

Ректоръ требуетъ отъ учениковъ только зубрежки.

„Всталъ Яблочкинъ и началъ объяснять лекцію своими словами, и ничего, такъ знаете, свободно“.—Разсказываетъ одинъ профессоръ про визитъ ректора на его урокъ:—„Объяснилъ и стоитъ—улыбается. „Кончилъ?“, спросилъ его ректоръ.—Кончилъ.—„Ну, чтожъ, вотъ и дуракъ... И забудешь все черезъ полгода“. Яблочкинъ поблѣднѣлъ, я тоже немножко потерялся. Отецъ-ректоръ обратился ко мнѣ. «У васъ въ классѣ 80 человекъ. Этакъ нельзя, нельзя! Если каждый изъ нихъ будетъ сочинять отвѣты изъ своей головы, вавилонское столпотвореніе выйдетъ, непременно выйдетъ». Я хотѣлъ оправдаться. „Нѣтъ, говорить, этакъ нельзя. Пусть основательно знаютъ то, что для нихъ напечатано, или написано; въ ихъ возрастъ и этого достаточно, очень достаточно“... Повернулся—и ушелъ. Я остался, какъ оплеванный, и съ досады такъ пробралъ Яблочкина, что у него брызнули слезы“.

Никитинъ разсказываетъ, какъ отнесся ректоръ къ устройству ученической библіотеки, за которое взялся несчастный Иванъ Ермолаичъ.

Любопытно отношеніе ректора и профессоровъ къ луч-

шимъ русскимъ поэтамъ и писателямъ: Пушкину, Лермонтову, Фонъ-Визину.

О первомъ ректоръ говоритъ:

— „Ну, вотъ-вотъ! Пушкинъ... стишки, больше ничего, стишки“...

— „Господа, кто получаетъ вѣдомости? Нѣтъ ли чего новаго“? спросилъ кто-то изъ гостей (у Федора Федоровича). Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Я просмотрѣлъ у отца-ректора одинъ номеръ, отвѣчалъ эконому: ничего особеннаго. Пишутъ, что умеръ стихотворецъ Лермонтовъ. — „А, умеръ? ну, царство ему небесное. Мнѣ помнится, я гдѣ-то читалъ стихи Лермонтова, а гдѣ,—не припомню“.

Понятно, что развитіе лучшихъ семинаристовъ Никитинскаго времени, — каковыми были главные персонажи „Дневника семинариста“ — Яблочкинъ и Бѣлозерскій, — шло помимо вліянія этихъ „профессоровъ“.

Яблочкинъ проводитъ все свободное время за изученіемъ языковъ, за усидчивымъ чтеніемъ лучшихъ писателей того времени, чтобы подготовиться къ поступленію въ университетъ, что представляется ему завѣтною, любимую мечтою. «Пѣшкомъ, говоритъ, на Христово имя пойду, а ужъ буду въ университетѣ».

Чѣмъ же живутъ другіе — не Яблочкины, что занимаетъ и интересуется большинство семинаристовъ?

На урокахъ исторіи „ученики занимаются тѣмъ, что имъ нравится, или что они считаютъ для себя болѣе полезнымъ. Нѣкоторые ведутъ рассказы о своихъ взаимныхъ похожденияхъ и проказахъ, нѣкоторые переписываютъ лекціи по главному предмету, а нѣкоторые сидятъ за романами».

Какіе же это романы? — „Шапка юродиваго“, «Тайный монахъ», «Фра-діаволо», «Япанча-Татарскій наѣздникъ» и т. п. лубочныя изданія, но чаще и больше всего

семинаристы читаютъ Поль-де-Кока и Дюма. «Они,—замѣчаетъ Никитинъ,—пользуются у насъ особенною извѣстностью».

Помимо этихъ романовъ между семинаристами были въ большомъ ходу и другія изданія, въ родѣ поэмы «Елисей», отрывокъ изъ которой о пьянствѣ приводитъ Никитинъ.

Время отъ времени семинаристы пишутъ сочиненія на заданныя профессорамъ темы: „Можно ли что-нибудь представить внѣ формъ пространства и времени, какъ, напри- мѣръ—ничто или вездѣсущество? и др. По поводу этихъ работъ Яблочкинъ говоритъ: „На такую мудренную фразу у насъ напишутъ нѣкоторые по три или по четыре листа самымъ мелкимъ почеркомъ, а простой записки къ знакомому никто изъ насъ не напишетъ толково; мало этого: десяти словъ не свяжутъ въ разговорѣ, какъ слѣдуетъ“.

Никитинъ останавливается на описаніи и другихъ сторонъ семинарской жизни: здѣсь вы встрѣтите художественныя картинки семинарскаго кутежа подъ руководствомъ философа Мельхиседекова,—принадлежавшаго „къ самымъ лучшимъ ученикамъ по своему поведенію и прилежанію“,—семинарской «рекреаціи» съ игрою въ мячъ и лапту, описаніе карцера и грязнаго «нумера» казеннокошныхъ «бурсаковъ», распредѣленіе занятій этихъ послѣднихъ, бѣдное семинарское меню и т. д.

Такъ подробно описываетъ И. С. Никитинъ жизнь современнаго ему духовенства, укладъ семинарской жизни, даетъ намъ представленіе о духовномъ обликѣ семинариста того времени.

Какъ въ русской народной жизни многое измѣнилось за послѣднее полустолѣтіе, такъ перемѣнилась почти до неузнаваемости и жизнь нашего духовенства, семинарія приняла другой видъ и теперешніе семинаристы мало напоминаютъ Никитинскихъ „бурсаковъ“.

И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ все болѣе „Дневникъ семинариста“ пріобрѣтаетъ, въ интересующемъ насъ отношеніи, *историческое значеніе*.

Въ исторіи духовной школы И. С. Никитину по праву принадлежитъ видное мѣсто: его „Дневникъ“ является одной изъ превосходныхъ, живыхъ иллюстрацій къ историческимъ изслѣдованіямъ по вопросамъ духовнаго просвѣщенія.

Θ. Поликарповъ.

Памяти И. С. Никитина.

Въ зимній вечеръ, отдыхая
Отъ дневныхъ своихъ трудовъ,
Я люблю сидѣть, мечтая,
Слушать бури пѣснь безъ словъ.

Сердце робко вдругъ сожметса
И замретъ на мигъ въ груди;
Въ немъ вопросъ тревожный бьется --
„Что-то будетъ впереди“?

Но напрасно долго жду я
Разрѣшенья жуткихъ думъ, —
Съ чувствомъ пламеннымъ враждуя,
Нѣмъ и холодень мой умъ.

Грезы мчатся въ царство свѣта ¹⁾.

Я въ лучахъ его горю.

И, увидѣвъ духъ поэта.

Какъ живому говорю:

Нашъ Воронежъ измѣнился

Съ той поры, какъ ты въ немъ жилъ;

Широкò онъ расселился,

Новой жизнію зажилъ.

¹⁾ Или: совъ, или янь? — Я въ царствѣ свѣта.

Вмѣстѣ съ нимъ преобразился
Внѣшній видъ и „кулака“,
Но добромъ не озарился
Быть печальный бѣдняка.

И все такъ же полны смрада
Постоялые дворы;
Та-жъ капуста, квасъ — отрада
Для заѣзжихъ „конурѣ“.

Да подъ снѣгомъ деревушка
Все по прежнему стойтъ,
Въ ней печальная старушка
Ночью молится—не спитъ.

Думы вьются вереницей;
Все—въ минувшемъ... грудь тѣснить.
Но въ мольбѣ передъ божницей
Духъ надеждою горитъ,
Съ безутѣшною тоскою
Снѣжный вихрь въ трубѣ гудитъ.
Кто-то сильною рукою
Въ ставни ветхія стучитъ.

Буря стонетъ, завываетъ
Все сильнѣе, громче, злѣй
И, кружась, направляетъ
Бѣгъ безцѣльный въ ширь полей
Межъ сугробовъ бѣлымъ пухомъ
Стелеть мягкую постель.
А кто ляжетъ спать,—надъ ухомъ
Пѣснь споетъ ему метель

Псаломщикъ *Ив. Прозоровскій*.

Объясненіе притчи Спасителя о богачѣ и его управителѣ (Лук. 18, 1—9).

Находя объясненіе притчи Спасителя о богачѣ и его управителѣ, предложенное проф.-прот. Буткевичемъ въ №№ 7, 8 и 9 Церк. вѣдомостей сего 1911 г., неправильнымъ, предлагаю свое.

Означенная притча заключается въ 16 г. съ 1 по 8 ст. ев. Луки. Слова 8 ст.: „сынове вѣка сего мудрѣйши паче сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть“ должны имѣть логическую связь съ притчей и безъ всякаго сомнѣнія представляютъ заключеніе, результатъ притчи. Въ заключеніи вообще не можетъ быть что-либо новое, чего нѣтъ въ предшествовавшемъ заключенію рассказѣ. Въ заключеніи говорится о сынахъ вѣка сего и сынахъ свѣта въ родѣ своемъ; слѣдовательно, и въ самой притчѣ рѣчь должна идти про тѣхъ же лицъ; дѣйствующими лицами въ притчѣ должны быть: сынъ или сыны вѣка сего и сынъ или сыны свѣта въ родѣ своемъ. Главныя дѣйствующія лица разсматриваемой притчи суть: богачъ и его управитель; одинъ, сообразно заключенію притчи,—сынъ вѣка сего, другой—сынъ свѣта въ родѣ своемъ. Къ термину „сынъ вѣка сего“ безъ всякаго сомнѣнія надо причислить управителя, тогда богачъ долженъ быть причисленъ къ термину „сынъ свѣта въ родѣ своемъ“.

Смыслъ термина „сынъ вѣка сего“ вполне понятенъ, терминъ же „сынъ свѣта въ родѣ своемъ“ требуетъ объясненія. Проф.-прот. Буткевичъ прекрасно объяснилъ его: сынъ свѣта въ родѣ, т. е. въ народѣ, въ племени своемъ. Кто же были сынами свѣта въ народѣ еврейскомъ?—Фарисеи, какъ его руководители. „Отъ князь мнози вѣроваша въ Него (Христа), но фарисей ради не исповѣдаху Его“ (Іоан. 12, 42). Съ мнѣніемъ фарисеевъ считались, такимъ

образомъ. — даже князя. „Еда и мы слыны есмы“ (Іоан. 9, 40), съ удивленіемъ горделиво спрашивали Іисуса Христа фарисей. Такимъ образомъ, подъ богачемъ разсматриваемой притчи разумѣется не Богъ Отець, какъ утверждаетъ проф.-прот. Буткевичъ, а фарисей. Къ ятому выводу пришли бы логически всѣ толкователи разсматриваемой притчи, если бы ихъ не смущало содержаніе притчи; въ дѣйствительности же содержаніе притчи нисколько не смущаетъ. Управитель, сынъ вѣка сего, былъ оклеветанъ, предъ господиномъ своимъ, сыномъ свѣта въ родѣ своемъ (1 ст.). Проф.-прот. Буткевичъ почему-то не хочетъ въ данномъ случаѣ видѣть клевету и утверждаетъ, что доносъ былъ сдѣланъ, хотя и злостный, но истинный. Въ доказательство сего утвержденія онъ ссылается, во первыхъ, на то, что глаголь «διέβαλον» въ 3 гл. 8 ст. книги прор. Даніила означаетъ не клевету, а дѣйствительное преступленіе. Ссылка эта говоритъ противъ него. Пр. Даніиль употребилъ глаголь «διέβαλον» потому, что доносъ былъ именно клеветнической съ точки зрѣнія пр. Даніила, съ точки зрѣнія истины. Халдеи возводили на іудеевъ, вѣрующихъ въ единого истиннаго Бога, вину ложную съ точки зрѣнія истины, дѣйствительную лишь съ точки зрѣнія идолопоклонства, — съ точки зрѣнія лжи. Въ славянской Библии глаголь «διέβαλον» переведенъ словомъ „оболгаша“, этотъ переводъ говоритъ не въ пользу утвержденія проф.-прот. Буткевича. Если бы этотъ фактъ описывали сами халдеи или Навуходоносоръ, то они употребили бы иной глаголь, хотя бы потому, что глаголь διαβάλλειν и при переводѣ словомъ „доносить“ имѣетъ характеръ злобы. Вторая ссылка проф.—прот. Буткевича на молчаніе управителя, при объявленіи его господиномъ вины, ничего ни говоритъ; обвиненіе и результатъ его были высказаны безапелляціонно. И Іисусъ Христоръ молчалъ предъ Пилатомъ. Если же доносъ ложный и нака-

заніе незаслуженное, то стремленіе управителя, сына вѣка сего, обезпечить себя за счетъ господина вполне естественно: управитель входитъ въ извѣстную сдѣлку съ должниками господина. Нисколько не теряетъ правильности мое толкованіе, если, вопреки моему мнѣнію о добросовѣстности управителя, признать управителя расточительнымъ. И тогда онъ, какъ сынъ вѣка сего, долженъ прійти къ извѣстной сдѣлкѣ съ должниками, какъ единственному выходу изъ своего печальнаго положенія. Сыны вѣка, выведенные въ притчѣ, суть: субъектъ, оклеветавшій управителя, управитель и должники. Хотя въ притчѣ не говорится о цѣли, которую преслѣдовалъ клеветникъ, но безусловно она была, иначе, какой смыслъ клеветать и даже доносить? Клеветникъ побудилъ господина дѣйствовать сообразно его доносу; очевидно, превосходство ума въ данномъ случаѣ на сторонѣ клеветника, а не на сторонѣ господина. Да и вообще дѣйствіе, сообразное извѣстному непровѣренному, не рекомендуетъ человѣка въ умственномъ отношеніи. Управитель и должники достигли своихъ интересовъ, въ ущербъ интересамъ господина, по оплошности послѣдняго. Повѣривъ доносу касательно расточительности управителя, господинъ объявляетъ ему, что лишаетъ его мѣста.

Умно ли поступилъ господинъ, давъ управителю время дѣйствовать на прежнихъ полномочіяхъ?—отвѣтъ отрицательный. Если бы господинъ предвидѣлъ,—а онъ долженъ былъ предвидѣть,—что управитель послѣднее время своей службы употребить на свои интересы въ ущербъ его собственнымъ, то онъ потребовалъ бы сдачи имѣнія безъ промедленія. Далѣе, можно ли считать умнымъ въ дѣлѣ веденія имѣніемъ господина, который не освѣдомленъ чрезъ своего управителя, конечно, заблаговременно о количествѣ и цѣнности контрактовъ?—отвѣтъ отрицательный. Если дать управителю роль хозяина, то онъ, зная всѣ случаи, когда управитель можетъ

нарушить его интересы, съумѣлъ бы сохранить свои интересы. Очевидно, превосходство ума въ дѣлѣ веденія имѣніемъ на сторонѣ управителя, а не на сторонѣ его господина. Господинъ не имѣлъ возможности привлечь управителя къ суду, такъ какъ сей послѣдній дѣйствовалъ съ каждымъ должникомъ наединѣ, а должникамъ убыточно и опасно говорить о перепискѣ контрактовъ съ уменьшеніемъ долга. Гордость господина, потерпѣвшаго значительный убытокъ вслѣдствіе извѣстной сдѣлки управителя съ должниками, была уязвлена. На первый взглядъ кажется, что господинъ долженъ разсердиться, а не хвалить управителя, вступившаго въ извѣстную сдѣлку съ должниками, но это только кажется. Разсердиться могъ только сынъ вѣка сего, а не сынъ свѣта въ родѣ своемъ, отличительнымъ качествомъ коего является гордость. Какой смыслъ гордецу сердиться, не имѣя возможности наказать виновника своего гнѣва? Мнѣ могутъ указать много случаевъ, когда фарисеи сердились на Иисуса Христа, но во всѣхъ этихъ случаяхъ гнѣвъ фарисеевъ соединялся съ надеждой и возможностью мщенія. У господина, сына свѣта въ родѣ своемъ, должно возникнуть желаніе оправдать въ своемъ сознаніи свою оплошность, успокоить свою уязвленную гордость. Управитель въ данномъ случаѣ оказался умнѣе его. Согласиться съ превосходствомъ въ данномъ случаѣ ума управителя ему, господину, не позволяетъ гордость. „Если управитель, — разсуждать долженъ господинъ-гордецъ, — и превзошелъ меня, то въ силу моего безвыходнаго положенія; при такихъ обстоятельствахъ и я поступилъ бы также; управитель долженъ былъ поступить такъ, а не иначе, глупъ былъ бы, если бы поступилъ иначе“. Разсужденіе господина наявное; много не можетъ быть, когда уязвленная гордость, не будучи удовлетворена совнѣ, требуетъ успокоенія. Господинъ, такимъ образомъ, косвенно хвалитъ управителя: управитель поступилъ умно не

потому, что былъ уменъ, а потому, что умно поступить заставляли его обстоятельства. Хвала управителя, господинъ, такимъ образомъ, не унижаетъ и себя. Симпатически же отнестись къ управителю господинъ по чувству гордости и корыстолюбію не можетъ, а посему онъ, косвенно похваливъ управителя, не оставляетъ его на мѣстѣ, какъ невѣрнаго. Заключение, результатъ притчи: сыны вѣка сего умнѣе сыновъ свѣта въ родѣ своемъ. Если въ заключеніи употреблены сыны свѣта въ родѣ своемъ во множественномъ числѣ, а не въ единственномъ (въ притчѣ выведенъ одинъ сынъ свѣта въ родѣ своемъ), то это потому, что гордость является характерной чертой фарисеевъ вообще. Превосходство ума сыновъ вѣка сего предъ сынами свѣта въ родѣ своемъ заключается въ отсутствіи гордости, свойственной фарисеямъ, потому что гордость влечетъ умственный регрессъ. 9-й ст. представляетъ нравственное приложеніе. Если бы управитель, уменьшая долгъ, пріобрѣлъ отъ должниковъ письменное обязательство уплатить ему, управителю, ту или иную сумму, — что для него было бы гораздо практичнѣе, вѣрнѣе, — то онъ примѣромъ нравственнаго руководства ни въ какомъ отношеніи служить не могъ. Но Іисусъ Христосъ, называя его сыномъ вѣка сего, нашель въ немъ „нѣчто“ достойное подражанія. Это „нѣчто“ заключается въ его надеждѣ на благодарность со стороны тѣхъ, коимъ онъ благоотворилъ. Благоотворить благоотворящимъ свойственно и сынамъ вѣка сего (Лук 6, 33). Если деньги, данныя сынами вѣка сего въ цѣляхъ исключительно эгоистическихъ, пріобрѣтаютъ друзей-благоотворителей, которые въ настоящей жизни благоотворяютъ благоотворителямъ, то деньги въ рукахъ послѣдователей Іисуса Христа, данныя согласно Его ученію: „благоотворить ничесоже чающе“ (Лук. 6, 35) для настоящей жизни, пріобрѣтутъ друзей благоотворителей въ жизни будущей. Послѣ смерти такового благоотворителя, друзья его, коимъ онъ безкорыстно благодѣтельствовалъ,

примуть его въ „вѣчныя кровы“. „Цонеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ“... (Мѡ. 25, 40), то „наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе“... (Мѡ. 25, 34).

Объясненіе проф.-прот. Буткевича словъ „отъ мамоны неправды“ вѣрное, но туманное. Предлагаю свое. Припомнимъ вѣкъ апостольскій, когда у вѣрующихъ было одно сердце и одна душа и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее (Дѣян. 4, 32). Мамона, имѣніе-богатство, являющееся собственностью личности, слѣдовательно, не была присуща тѣмъ христіанамъ. То было время изобилія даровъ Святаго Духа на вѣрующихъ. Жизнь первыхъ христіанъ является идеаломъ жизни всѣхъ христіанъ; слѣдовательно, мамона съ точки зрѣнія вѣчной правды не должна быть, но въ дѣйствительности она, предвидѣль Іисусъ Христосъ, будетъ существовать. Наклонность ко грѣху въ людяхъ великая. „Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сіе содѣваю“ (Рим. 7, 19), говорилъ даже св. ап. Павелъ. Если, такимъ образомъ, мамона существуетъ, то въ силу грѣха, неправды. Отсюда ясно, — всякое матеріальное богатство личности является мамонной неправды.

Священникъ *Георгій Замонскій*.

Отвѣтъ на „недоумѣнные вопросы“ П. В. Никольскому.

Ваше Превосходительство, Господинъ Воронежскій Епархіальный Наблюдатель Церковно-приходскихъ школъ!

Ваше „Открытое письмо о. Предсѣдателю Епархіальнаго Съѣзда о.о. депутатовъ 10—15 февраля 1911 г.“, напечатанное въ № 17 Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей отъ 24 апрѣля 1911 г. подъ заглавіемъ „Недоумѣнные во-

просы, не найдеть для себя собесѣдника. Причина тому не только Вами предусмотрѣнный вопросъ „какое Вы имѣете право ставить мнѣ изложенные вопросы“ (447 ст.), а и та, что въ настоящее время не существуетъ того адреса, по которому Вы изволите направлять свои „недоумѣнные вопросы“. Письмо адресовано „Предсѣдателю Епархіальнаго Съѣзда о.о. депутатовъ 10—15 февраля 1911 г.“ Отдайте самому опытному почтальону этотъ адресъ и Вы чрезъ нѣсколько дней получите свое письмо обратно съ надписью: „письмо возвращается за ненахожденіемъ адресата“. Вамъ, вѣдь, прекрасно извѣстно, что учрежденіе „Епархіальный Съѣздъ“ въ настоящее время въ Воронежѣ не существуетъ. Слѣдовательно, нѣтъ и лица съ титуломъ „Предсѣдатель Епархіальнаго Съѣзда“. Вы скажете, что при словѣ „Предсѣдатель“ у Васъ есть дата „10—15 февр. 1911 г.“ Да, но эта дата для Васъ изъ категоріи давнопрошедшаго времени, а отнюдь не настоящаго. Для Васъ, Господинъ Епархіальный Наблюдатель, эта дата существуетъ, какъ фактъ, занесенный на скрижали исторіи Воронежской Епархіи, а отнюдь, не какъ фактъ, продолжающій свое существованіе въ настоящіе дни. Правда, есть путь отысканія „Предсѣдателя Еп. Съѣзда 10—15 февр. 1911 г.“ и въ настоящее время, пока еще живо лицо, занимавшее мѣсто Предсѣдателя въ 10—15 числахъ февраля 1911 г., и это путь единственный для Васъ. Но только это путь не полуофіціального „открытаго письма“ въ печатной статьѣ епархіальнаго органа, да еще подъ такимъ заглавіемъ, какъ „недоумѣнные вопросы“, и въ такой формѣ изложенія, гдѣ переплетены и „вопросъ“ и отвѣтъ, и „недоумѣніе“ и осужденіе, и „совѣтъ“ и судъ, и „глубокая, признательность“ и злая иронія и даже „прокурорское преданіе суду“, „кому вѣдать надлежитъ“, стрѣлочника за вину машинистовъ, и величаніе сана и одежда поруганія для сана. Это путь Законнаго Суда—чрезъ Епар-

хіальную Власть. Здѣсь, и только здѣсь, Вы можете найти искомое для себя лице безъ имени и отчества, а съ однимъ титуломъ „Ваше Высокоблагословеніе „и даже безъ прибавленія „многоуважаемый“ (441 с.).

Вотъ все, что могу я Вамъ, Ваше Превосходительство, Господинъ Воронежскій Епархіальный Наблюдатель Церковно-приходскихъ школъ, отвѣтить на Ваше открытое письмо, какъ „Предсѣдатель Епархіального Съѣзда о.о. депутатовъ 10—15 февраля 1911 г.“.

Р. С. Глубокоуважаемый Павелъ Васильевичъ! Если „не-юридическія соображенія вынудили Васъ обратиться ко мнѣ съ недоумѣнными вопросами“ (448 с.) и „не-юридическая точка зрѣнія“ (447) руководила Вами въ желаніи побесѣдовать со мною на страницахъ епархіального органа печати по нѣкоторымъ *дѣйствительно* „недоумѣннымъ“ для Васъ вопросамъ, къ Вашимъ услугамъ всегда радъ и готовъ. Дайте мнѣ на это только право соответствующею формою письма. Съ глубокимъ почтеніемъ къ Вамъ, какъ съ работнику во Христѣ на нивѣ Воронежской Церкви и всегда, не менѣе Васъ, болѣющимъ „Духа не угашайте!“ (441 и 448) немощный и многогрѣшный іерей Божій

Тихонъ Дмитріевичъ Поповъ.

1911 г. 26 апрѣля.

Г. Воронежъ.

Библиографія.

Мѣстный воронежскій поэтъ Ѳ. С. Игнатовъ издалъ брошюру: „ко дню 50-ти лѣтія открытія св. мощей Святителя Тихона, Задонскаго Чудотворца, и святыни города Задонска“. Воронежъ. 1911 г. стр 1—10.

Цѣна отдѣльному экземпляру 5 коп. 1 сотня 3 руб.

Изданіе вышло въ 2,000 экземплярахъ. О.о. настоятели

церквей Воронежской епархіи и другія лица, желающія приобрести означенную брошюру, благоволят обращаться къ автору по слѣдующему адресу: Г. Воронежъ. Магазинъ наследниковъ Грачева Федору Семеновичу Игнатову.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ МАСТЕРСКІЯ

ТОРГОВАГО ДОМА

І. Н. ГАГАРИНЪ И С. П. СТАЛОГОРОВЪ.

Москва 1-я Мъщанская. Д. 68 телеф. 258—79.

Принимаютъ заказы на исполненіе художественно живописныхъ и иконописныхъ работъ, внутреннюю роспись храмовъ всѣхъ вѣковъ и стилей.

КРОМѢ живописи исполняются всевозможныя иконостасныя работы.

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ изготовленіе иконостасовъ **ИМИТАЦІЯ** подь фаянсъ, не требующихъ ремонта.

Цѣны внѣ конкуренція. Гарантія и разсрочка по соглашенію

Списокъ работъ, выполненныхъ въ 1910—1911 Г.

1) Въ Москвѣ, по заказу Москов. Митрополита Владимира, въ Троицкомъ подворьѣ. Стѣнная роспись и золоченіе иконостасовъ.

2) Въ Москвѣ, въ Ивановскомъ жен. мон. Золоченіе кіотовъ.

3) Въ Зачатіевскомъ жен. монастырѣ, въ Моск. Стѣнная роспись.

4) Въ селѣ Гжелѣ, Моск. г. Роспись храма и трехъ-престольный золоченый иконостасъ.

5) Въ селѣ Карповѣ, Моск. губ. Роспись храма и трехъ-престольный золоч. иконостасъ.

- 6) Въ г. Сарапулъ, Вятской г., въ Покров. ц. Роспись храма.
- 7) Въ посадѣ Березнеговатомъ, Херс. г. Трехъ-престольный иконос. ИМИТАЦІЯ и роспись храма.
- 8) Въ стан. Акишевской, Донской обл. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ съ икон.
- 9) Въ г. Бійскѣ, Томс. г., Александро-Невская ц. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ съ иконами.
- 10) Въ пос. Нѣженскій Иконостасъ ИМИТАЦІЯ съ иконами.
- 11) Въ г. Орель. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ, съ древними иконами.
- 12) Въ г. Самарѣ Губ. Земс. больн. Золоченый иконостасъ съ икон.
- 13) Въ село Фошню, Орловской г. Золоченый иконостасъ и роспись храма.
- 14) Въ село Становой Колодезь, Курской г. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 15) Въ г. Кологривъ, Костромской г. ИМИТАЦІЯ и иконы.
- 16) Въ имѣніе отрадное Д. Об., по заказ. Батырева. Иконы въ иконостасъ и во многія другія мѣста Россіи, Сибири и Кавказа.

Текущія работы:

- 1) По заказу Москов. Митропол. Владимира, на его родинѣ въ селѣ Новыхъ Выселкахъ, Тамбовской губ. Роспись храма.
- 2) Въ г. Симбирскѣ, въ Вознесенскомъ Соборѣ. Роспись храма.
- 3) Въ Москвѣ, на Благушу. Трехъ-престольный иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 4) Въ с. Смоленку, Оренб. г. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 5) Въ пос. Усердненскій. Иконостасъ ИМИТАЦІЯ.
- 6) Въ село Зыбино, Орловской г. Дубовый иконостасъ.
- 7) Въ село Курганъ, Саратовской г. Золоченый иконостасъ и во многія другія мѣста.

И. М. ВОЛЬФЪ

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

лечение, пломбированіе зубовъ золотомъ, фарфоромъ и т. п.

Искусственные зубы по новѣйшему способу, удаленіе зубовъ
безъ боли.

Б.—Дворянская, д. Русакова противъ Дворянской части.

Пріемъ отъ 9 до 7 часовъ вечера.

Духовнымъ скидка.

(37—52)

СОДЕРЖАНІЕ

НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Духовенство и Семинарія въ изображеніи И. С. Никитина.—*Θ.*
Шоликарова.

Памяти И. С. Никитина. (Стихот.).—Псалом. *Ив. Прозоровскаго.*
Объясненіе притчи Спасителя о богачѣ и его управителѣ (Лук.
16, 1—9).—Священника *Георгія Затонскаго.*

Отвѣтъ на „недоумѣнные вопросы“ П. В. Никольскому. *Т. Д. Попова.*
Библиографія.

Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинарія Прот. *Николай Околовичъ.*

Печатать дозволяется. 1 мая 1911 г. Цензоръ Прот. А. Спасскій.